

УДК 343.1

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

© 2020 г.

С.С. Тихонова, В.Ф. Голованова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

nio.golovanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.10.2019

Рассматриваются вопросы стилистических особенностей уголовного закона. В частности, говорится о запрете длиннот в уголовном праве, ясности и краткости языка как необходимом условии для достижения понимания уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный закон, стилистические особенности, законодательная стилистика, нормы закона, ясность, краткость языка.

Существенной характеристикой любого текста является принадлежность его к определенному языковому стилю и жанровая оформленность [1]. *Языковой стиль* – это функциональная разновидность литературного языка, характеризующаяся исторически сложившейся закономерностью употребления совокупности языковых средств (грамматических, лексических, синтаксических, фразеологических), «отобранных длительной речевой практикой в качестве оптимальных способов выражения мысли в той или иной сфере общественной жизни» [2].

«Стиль и логика изложения правовых норм во многом определяют эффективность нормативного регулирования» [2]. В этой связи поиск адекватной языковой формы, типа словоупотребления, ориентированного именно на передачу правовой информации, является одним из важных аспектов законотворчества [3, с. 282].

Система приемов «словесного мастерства», т.е. наиболее целесообразного использования языковых средств в законодательных актах, носит название *законодательной стилистики* [4, 5]. Языковой стиль нормативно-правовых актов именуется *официальным (деловым, документальным)* и предполагает учет следующих языковых стандартов, несоблюдение которых лишает текст нормативно-правовых актов статуса официального, придавая ему свойства разговорного либо литературно-художественного стиля.

1) Отсутствие индивидуализации, т.е. *специфики авторства* [6, 7; 8, с. 14]. Именно поэтому «сравнение уголовно-правовых предписаний в первоначальной и последующих редакциях не выявляет существенных стилистических различий» [9, 10].

2) Наличие *утвердительно-повествовательных предложений* с явным или косвенным описанием должного поведения адресата. Отсюда и наименование данных предложений – *долженствующие-предписывающие* либо *констатирующие-предписывающие*.

3) Наличие в предложениях *прямого порядка слов*. Порядок слов в предложении – это взаимное расположение его членов, определяемое грамматическими и смысловыми задачами. Прямой порядок слов означает, что сказуемое следует за подлежащим, дополнения – за сказуемым, определяемое слово – за определением.

4) Наличие в предложениях *отвлеченно-обобщенных грамматических конструкций*, позволяющих акцентировать внимание адресата нормативно-правовых предписаний на определенном действии в отвлечении от его субъекта [11], т.е. свидетельствующих о распространяемости данных предписаний на неопределенный круг лиц. К соответствующим конструкциям относятся:

– отглагольные существительные (например, «выполнение», «отбывание», «осуществление», «предупреждение», «причинение»);

– глагольные формы с ослабленным значением времени, лица и числа (например, «исполняются», «исчисляются», «может быть», «могут учитываться», «наказывается», «не может превышать», «осуществляется», «подлежит», «решается», «соответствуют»);

– отсутствие личных местоимений 1-го лица и наличие местоимений без конкретного предметного содержания (например, «...за которое оно осуждается...», «...оно может быть назначено», «...оно распространяется...», «...если они не были осуждены...»);

– отыменные предлоги (например, «в отношении», «на основании»).

Несмотря на то, что отвлеченно-обобщенные грамматические конструкции способны усложнить восприятие нормативного текста большинством населения, отказ от их использования недопустим, так как способен породить терминологическое излишество, что можно наглядно продемонстрировать на следующем примере.

Для того чтобы показать распространенность уголовно-правовых предписаний на неопределенный круг лиц, независимо от их фактической половой принадлежности, род виновного, потерпевшего и любых иных третьих лиц указывается в УК РФ унифицированно, за исключением случаев, когда он имеет юридическое значение – в статьях главы 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

В частности, до принятия Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» указание законодателем на род такого потерпевшего, как несовершеннолетний, имело место только в главе 18 УК РФ. Однако вышеназванным законом оно оказалось распространенным на Общую часть УК РФ. Так, ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» была дополнена пунктом «п» следующего содержания: «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)».

Зачем понадобилось подобное уточнение? Если законодатель решил сделать уголовный закон более доступным для восприятия большинством населения и точно указывать на возможный женский и мужской род *потерпевшего*, то почему не изменил подход к описанию *виновного*, который обозначен в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ как «родитель», «работник»? Почему не подверглись соответствующей языковой трансформации иные пункты ч. 1 ст. 63 УК РФ: «з» («в отношении *малолетнего*»), «м» («с использованием доверия, оказанного *виновному*»), «о» («*сотрудником* органа внутренних дел»)? Почему половая принадлежность виновного не нашла отражения в главе 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», где практически каждая статья содержит термин «несовершеннолетний»? Почему не были скорректированы квалифицирующие признаки, отражающие возраст потерпевшего в статьях Особенной части УК РФ (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ «Истязание», ч. 2 ст. 121 УК РФ «Заражение венерической болез-

нью», ч. 3 ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией», п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ «Похищение человека», п. «д» ч. 2 ст. 127 УК РФ «Незаконное лишение свободы» и т.д.)?

Конечно, во всех этих случаях, как и в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, отсутствует необходимость в подобных уточнениях. По мнению Б.В. Волженкина, лучше, когда «текст закона будет громоздким, не столь стилистически изящным, как хотелось бы, но зато абсолютно понятным и потенциальному правонарушителю, и должностному лицу, применяющему уголовный закон» [12]. Однако представляется, что наличие огромного количества вставных конструкций, альтернативно указывающих на половую принадлежность виновного и потерпевшего, привело бы не к упрощению, а, напротив, к затруднению восприятия нормативного текста, пестрящего многочисленными скобками.

5) Наличие в предложениях *цепочек надежных форм* (например, «отсутствие злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет», «реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста», «со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу» и т.д.).

6) Наличие в предложениях *речевых стереотипов* – стандартных формулировок (фраз-клише), то есть синтаксических конструкций с одинаковым лексическим составом. «Если в других стилях шаблонизированные обороты нередко выступают как стилистический недостаток, то в официально-деловом стиле в большинстве случаев они воспринимаются как вполне естественная его принадлежность» [13].

Речевые стереотипы категорически не следует отождествлять с отвлеченно-обобщенными грамматическими конструкциями (соответствующее отождествление наблюдается у А.И. Бойко) [10, с. 37]. В отличие от последних, функциональное назначение которых заключается в том, чтобы указать на распространенность уголовно-правовых предписаний на неопределенный круг лиц, цель употребления речевых стереотипов – минимизация рассеивания внимания адресата, а значит, и уменьшение затрачиваемого им времени на обработку правовой информации, содержащейся в законодательном тексте.

Так, в тексте УК РФ десятки раз повторяются такие однотипные формулировки, как «в случае злостного уклонения», «в соответствии с законодательством Российской Федерации», «не является преступлением», «освобождается от уголовной ответственности, если», «подлежит уголовной ответственности», «предусмот-

рено соответствующей статьей/ статьями Особенной части настоящего Кодекса», «то же деяние, совершенное» и т.д.

Речевые стереотипы способствуют увеличению скорости распознавания и легкости восприятия уголовно-правовых предписаний, поэтому отход законодателя от их использования – введение *синтаксической синонимии* является юридико-технической погрешностью. Так, например, вместо фразы-клише «повлекшее по неосторожности...» в ряде случаев законодатель использует синонимическое выражение «если ... повлекло по неосторожности...» (ст. ст. 263, 267–269 УК РФ и т.д.), вместо фразы-клише «повлекшее тяжкие последствия» – синонимические выражения «с причинением тяжких последствий» (ст. ст. 286, 333, 334 УК РФ и т.д.) или «если они повлекли тяжкие последствия» (ст. 287 УК РФ и т.д.), вместо фразы-клише «сумма, превышающая...» – синонимическое выражение «сумма которого превышает...» (ст. ст. 216, 293 УК РФ и т.д.).

В отечественной правовой науке известна позиция, согласно которой «информационный компонент законодательства увеличивается за счет введения в его текст причастных и деепричастных оборотов, однородных членов, придаточных предложений и пр.» [14]. Однако усложнение языка закона излишней детализацией в рамках одного предложения затрудняет усвоение соответствующего нормативно-правового предписания его адресатом. В подобных случаях правоприменитель вынужден «продираться сквозь словесный и стилистический частокол к подлинному смыслу юридической нормы» [15]. В этой связи согласно п. 3.24 *Рекомендаций 2000 года нормы закона должны формулироваться по возможности короткими фразами*, чтобы между членами предложения не разрывалась логическая связь, обеспечивалась «легкая обозримость нормативного материала» [16].

Поскольку объем оперативной памяти предполагает способность человека удерживать от 5 до 9 независимых единиц, предъявляемых для запоминания [3, с. 10], предложение из 7–8 слов считается оптимальным для восприятия [17]. Синтаксическая глубина предложения в тексте нормативно-правового акта не должна превышать 30 слов [18, 19]. Конструирование объемных предложений, насыщенных большим количеством относительно самостоятельных смысловых компонентов, относится к разряду стилистических запретов. Данный запрет именуется *запретом длиннот*.

Запрет длиннот, очевидно, не распространяется на перечни. Кроме того, в связи с отсут-

ствием потребности в целостном восприятии диспозиции и санкции конкретной части статьи Особенной части УК РФ (диспозиция анализируется в процессе квалификации преступления, санкция анализируется в процессе индивидуализации наказания) ограничение в 30 слов должно распространяться только на формулировку диспозиции.

Так, например, в ч. 3 ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» насчитывается 2 причастных оборота; в ч. 1 ст. 141.1 УК РФ «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» – 3 причастных и 2 деепричастных оборота; в ст. 142.1 УК РФ «Фальсификация итогов голосования» – 5 причастных оборотов. Наличие длиннот в вышеперечисленных статьях УК РФ – одна из причин критического отношения к конструкции составов преступлений в сфере реализации избирательных прав граждан: «элементы коррупции сопровождают избирательные кампании кандидатов и создают предпосылки для злоупотреблений должностных лиц... однако привлечь виновных к ответственности проблематично прежде всего потому, что диспозиции указанных статей изобилуют нечеткими, расплывчатыми формулировками признаков указанных деяний» [20].

Для устранения длиннот в тексте УК РФ в перспективе необходимо произвести литературную обработку статей УК РФ, их содержащих, – *синтаксические эквивалентные преобразования* соответствующих предложений [21]. Сохранив содержательно-правовую эквивалентность, следует изменить синтаксическую структуру данных предложений, в частности разделить их на несколько более коротких предложений.

Если дробление текста в Общей части УК РФ принципиально не изменит его объема, то дробление объемных диспозиций с неизбежностью повлечет увеличение количества статей в Особенной части УК РФ с тождественными санкциями. Однако в данном случае отступление от принципа экономии текста уголовного закона повысит эффективность восприятия уголовно-правовых предписаний правоприменителем. Увеличение количества статей Особенной части УК РФ с компактными законодательными формулировками облегчит деятельность по квалификации содеянного.

Поэтому возникает потребность совмещения ясности и краткости языка уголовного закона.

Науке неизвестны иные способы достижения такого совмещения, кроме как создание специализированных языков. В психологической литературе отмечается, что наиболее точные и короткие описания мы получаем благодаря использованию специализированных языков, принципиально непригодных для более широкого круга вопросов. Думается, язык уголовного закона является именно таким специализированным языком.

Законодатель не стремился реализовать в уголовном законе требование ясности, простоты и доступности его языка для всех граждан. Более того, этого и не нужно делать.

Здесь мы воспользуемся объяснениями основоположника отечественной законодательной стилистики А.А. Ушакова. Он пишет: «Закон должен быть понятным – это непреклонное требование, соблюдение которого обязательно. Но добиться того, чтобы все законы были понятны всем членам... общества вряд ли можно, да и вряд ли нужно, ибо здесь грозит опасность искусственного упрощенчества. Все законы с точки зрения доступности могут быть разбиты на две группы: а) законы, рассчитанные на широкие слои трудящихся, регулирующие отношения быта, семьи и др.; б) законы, рассчитанные на специалистов, регулирующие специальные узкие области общественной жизни... Можно установить следующую закономерность. Чем ближе содержание того или иного закона к темам, идеям, проблемам повседневной жизни, тем язык закона проще, непринужденнее, ближе к разговорному языку. И, наоборот, чем дальше его содержание от тем повседневной жизни, от ее злободневных вопросов, тем сложнее становится закон» [8, с. 155–156].

Представляется, что уголовный закон относится ко второму типу и его язык рассчитан в основном на специалистов-юристов. Гражданам, которым адресованы уголовно-правовые запреты, достаточно иметь общее представление о том, что под угрозой наказания нельзя убивать, грабить, насиловать и т. п.

С позиций теории информации уголовный закон в целом можно рассматривать как сообщение о преступности и наказуемости деяний, о множестве иных уголовно-правовых явлений, а нормы Особенной части – как информационные модели конкретных составов преступлений. Поэтому, безусловно, в отношении специалистов-юристов требование точности, ясности и понятности языка уголовного закона (подчеркнем – специализированного) должно быть реализовано в максимальной степени. Соответствие уголовного закона этим требованиям уменьшает количество проблемных ситуаций

нетипичного правоприменения, с усложненным толкованием уголовно-правовых норм, с широкими границами усмотрения правоприменителей, часто заканчивающихся ошибками, влияющими на жизнь и судьбу человека.

Поэтому становится очевидным вывод: требование точности, ясности, простоты и доступности языка уголовного закона не реализовано даже для уровня специалистов-юристов. В достижении ясности, простоты, доступности языка уголовного закона для специалистов-юристов видится нам первоочередная задача законодателя. Для ее решения целесообразно проведение лингвистической экспертизы Уголовного кодекса с последующей постатейной правкой текста, а также включение в него отдельной главы «Разъяснение отдельных терминов».

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста: основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник. М., 2004. С. 75.
2. Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. С. 149.
3. Губаева Т.В., Пиголкин А.С. Лингвистические правила законодательной техники // Проблемы юридической техники: Сб. статей / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: НА МВД России, 2000.
4. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. Казань, 1995. С. 61–62.
5. Кострова М.Б. Языковая детерминированность уголовного закона // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: Докл. научно-практ. конф., Саратов, 25–26 апреля 2002. Саратов: СГАП, 2002. С. 64.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 273–288.
7. Бабаев В.К., Баранов В.М., Гойман В.И. Словарь категорий и понятий общей теории права. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1992. С. 35.
8. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики: Учебное пособие. Пермь: Пермский гос-университет, 1967.
9. Гешелин М.И. О применении языковых средств в регламентации уголовно-правовых запретов. Уголовно-правовая защита прав человека (к 15-летию Конституции России): Сб. матер. Межд. научно-практ. конф., СПб., 26–27 мая 2009. СПб.: БИЭПП-БИИЯМС, 2009. С. 513.
10. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1977.
11. Ситникова А.И. Текстобразующие признаки уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Докл. межд. научно-практ. конф., Москва, 28–29 января 2010. М.: МГЮА, 2010. С. 108.

12. Ващенко Ю.С. Филологическое толкование норм права: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2002. С. 9–10.

13. Волженкин Б.В. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: Матер. III Межд. научно-практ. конф., г. Москва, 29–30 мая 2003 г. М.: ЛексЭст, 2004. С. 10.

14. Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 46.

15. Кашанина Т.В. Юридическая техника: Учебник. М.: Эксмо, 2007. С. 34.

16. Бабаев В.К. Теория современного советского права: Фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород: НВШ МВД России, 1991. С. 100.

17. Миллер Д. Магическое число семь плюс или минус два // Инженерная психология. М., 1964.

18. Кузнецова Н.Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Соц. законность. 1973. № 9. С. 33.

19. Третьякова Н.С. Лингвистические особенности уголовно-правовых норм об ответственности за хищения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 15.

20. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практ. пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, В.Н. Найдено. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 33–34.

21. Баранов П.П., Иванов Г.И., Костенко М.А. Роль эквивалентных преобразований текстов нормативно-правовых актов в законодательной технике // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей. Т. 1 / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: НА МВД России, 2001. С. 205–206.

STYLISTIC FEATURES OF THE LANGUAGE OF CRIMINAL LAW

S.S. Tikhonova, V.F. Golovanova

This article discusses the stylistic features of the criminal law. In particular, it refers to the prohibition of prolixities in criminal law, clarity and brevity of the language as a necessary condition for understanding the criminal law.

Keywords: criminal law, stylistic features, legislative stylistics, norms of the law, clarity, brevity of the language.

References

1. Babenko L.G. Filologicheskij analiz teksta: osnovy teorii, principy i aspekty analiza: Uchebnik. M., 2004. S. 75.

2. Yuridicheskaya tekhnika: Kurs lekcij / Pod red. V.M. Baranova, V.A. Tolstika. M.: DGSK MVD Rossii, 2012. S. 149.

3. Gubaeva T.V., Pigolkin A.S. Lingvisticheskie pravila zakonodatel'noj tekhniki // Problemy yuridicheskoy tekhniki: Sb. statej / Отв. ред. V.M. Baranov. N. Novgorod: NA MVD Rossii, 2000.

4. Gubaeva T.V. Slovesnost' v yurisprudencii. Kazan', 1995. S. 61–62.

5. Kostrova M.B. Yazykovaya determinirovannost' ugovolnogo zakona // Predmet ugovolnogo prava i ego rol' v formirovanii ugovolnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii: Dokl. nauchno-prakt. konf., Saratov, 25–26 aprelya 2002. Saratov: SGAP, 2002. S. 64.

6. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. T. 2. M., 1982. S. 273–288.

7. Babaev V.K., Baranov V.M., Gojman V.I. Slovar' kategorij i ponyatij obshchej teorii prava. N. Novgorod: NVSh MVD Rossii, 1992. S. 35.

8. Ushakov A.A. Ocherki sovetskoi zakonodatel'noj stilistiki: Uchebnoe posobie. Perm': Permskij gosuniversitet, 1967.

9. Geshelin M.I. O primenenii yazykovykh sredstv v reglamentacii ugovolno-pravovykh zapretov. Ugolovno-pravovaya zashchita prav cheloveka (k 15-letiyu Konstitucii Rossii): Sb. mater. Mezhd. nauchno-prakt. konf., SPb., 26–27 maya 2009. SPb.: BIEPP-BIIYaMS, 2009. S. 513.

10. Rozental' D.E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. 4-e izd., pererab. i dop. M., 1977.

11. Sitnikova A.I. Tekstobrazuyushchie priznaki ugovolnogo zakona // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Dokl. mezhd. nauchno-prakt. konf., Moskva, 28–29 yanvarya 2010. M.: MGYuA, 2010. S. 108.

12. Vashchenko Yu.S. Filologicheskoe tolkovanie norm prava: Avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Saratov, 2002. S. 9–10.

13. Volzhenkin B.V. Ocenka sostoyaniya Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i perspektivnaya harakteristika zakonodatel'noj deyatel'nosti // Mezhdunarodnoe i nacional'noe ugovolnoe zakonodatel'stvo: problemy yuridicheskoy tekhniki: Mater. III Mezhd. nauchno-prakt. konf., g. Moskva, 29–30 maya 2003 g. M.: LeksEst, 2004. S. 10.

14. Bojko A.I. Yazyk ugovolnogo zakona i ego ponimanie: Monografiya. M.: Yurilitinform, 2010. S. 46.

15. Kashanina T.V. Yuridicheskaya tekhnika: Uchebnik. M.: Eksmo, 2007. S. 34.

16. Babaev V.K. Teoriya sovremennogo sovetskogo prava: Fragmnty lekcij i skhemy. N. Novgorod: NVSh MVD Rossii, 1991. S. 100.

17. Miller D. Magicheskoe chislo sem' plyus ili minus dva // Inzhenernaya psihologiya. M., 1964.

18. Kuznecova N.F. Effektivnost' ugovolno-pravovykh norm i yazyk zakona // Soc. zakonost'. 1973. № 9. S. 33.

19. Tret'yakova N.S. Lingvisticheskie osobennosti ugovolno-pravovykh norm ob otvetstvennosti za hishcheniya: Avtoref. dis... kand. jurid. nauk. Омск, 2008. S. 15.

20. Pravovye akty: antikorrupcionnyj analiz: Nauchno-prakt. posobie / Otv. red. Yu.A. Tihomirov, T.Ya. Habrieva, V.N. Najdenko. M.: Volters Kluver, 2010. S. 33–34.

21. Baranov P.P., Ivanov G.I., Kostenko M.A. Rol'

ekvivalentnyh preobrazovanij tekstov normativno-pravovyh aktov v zakonodatel'noj tekhnike // Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie: Sb. statej. T. 1 / Otv. red. V.M. Baranov. N. Novgorod: NA MVD Rossii, 2001. S. 205–206.